

© 2014 г.

Петр Ореховский

доктор экономических наук, профессор

ведущий научный сотрудник Института экономики РАН

(e-mail: orekhovskypa@mail.ru)

МОРАЛЬНЫЕ КРИТЕРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В работе рассматривается проблема репрезентации моральных ценностей при анализе последствий мероприятий экономической политики. Анализируется необходимость разграничения сфер действия рыночных и социальных норм. Наличие сферы социальных норм является принципиальным при моральной оценке как действующих институтов, так и осуществляемых реформ. Прежде всего нравственные установки требуют избегать сращивания рыночной и политической власти, юридического закрепления превосходства социально-экономических субъектов, обладающих рыночной властью, как и подавления государственной властью объективно необходимых рыночных отношений. За нравственными установками стоит вся совокупность фундаментальных интересов общества.

Ключевые слова: богатство, совесть, экология, рыночные и социальные нормы, рыночная и политическая власть.

Экономическая теория, как правило, избегает морально-этических оценок экономической политики, сосредотачивая свое внимание на росте благосостояния. Однако зачастую благосостояние одних субъектов может сопровождаться относительным или абсолютным снижением благосостояния других. Такая ситуация сопровождается неявными допущениями того, что является морально приемлемым для экономиста, а что – нет. Ощущается потребность в репрезентации таких неявных посылок, а также критериев моральных оценок, одобряющих или отвергающих различные меры экономической политики.

Начиная с А. Смита, центральной задачей экономической науки является поиск причин увеличения богатства (благосостояния). Несмотря на все различия между теоретическими школами, все солидарны в том, что рост благосостояния (домохозяйств, фирм, страны в целом) является главной целью экономической политики. Соответственно, те действия хозяйственных акторов и мероприятия правительства, которые ведут к росту богатства, получают положительную оценку. Напротив, то, что ведёт к уменьшению богатства, это плохо.

Определение того, что является «хорошим» и «плохим», часто оказывается затруднено: (а) противоречиями между краткосрочными и дол-

госрочными последствиями действий акторов; (б) проблемой стоимостной оценки «затрат» и «выгод»; (в) необходимостью учёта трансакционных издержек и внешних эффектов. Поэтому экономические дискуссии вокруг мероприятий экономической политики, казалось бы, носят нейтральный, *инженерный* характер. Оппоненты должны были бы всего лишь выяснять, каким образом при подготовке того или иного решения вёлся учёт затрат и выгод, какие факторы принимались во внимание, от чего и почему абстрагировались. Совесть экономиста – как «способность личности самостоятельно формулировать нравственные обязанности и реализовывать нравственный самоконтроль, требовать от себя их выполнения и производить оценку совершаемых ею поступков, ... отвечающая за связь между разумом и эмоциями»¹ – здесь вроде бы не при чём, умение считать и проводить соответствующий анализ никак не связано с уровнем нравственности исследователя. «Совесть» в этом случае рассматривается как экзогенное, внешнее понятие по отношению к экономике. Если существует какая-то форма поведения, которая приносит актору выгоду, но признаётся обществом безнравственной, то экономист, применяя систему стимулов и санкций, может рассчитать, как сделать такое поведение невыгодным. Стимулы и санкции часто представляются с помощью кривых предельного дохода и предельных издержек; безнравственное поведение в таком варианте – всего лишь определённое значение соответствующих математических функций, представляющих издержки и доход².

Тем не менее позиции исследователей по различным текущим финансово-экономическим проблемам, как правило, получают в обществе политическую оценку. Последняя, в свою очередь, основана на различении друга и врага³, а это требует фиксации ценностных установок. Признание правильности уравнения, связывающего между собой денежную массу и уровень цен, известное как количественная теория денег, может быть интерпретировано в России как принадлежность к вредной «партии

¹ Совесть – Википедия. Источник:

<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%EE%E2%E5%F1%F2%FC>

² Яркий пример подобного экономико-математического анализа, никак не связанного с реальным поведением «поставщиков и потребителей на рынке сексуальных услуг», предлагается в статье: Левин М.И., Покатович Е.В. Проституция и мораль: модельный подход к исследованию. Источник: http://www.hse.ru/data/560/907/1224/Publ6_Levin.pdf. Стоит отметить, что авторы исходят из весьма высокой степени рациональности акторов, вступающих в сделки на данном рынке. Они знают свои функции полезности, максимизируют удовлетворение, минимизируют издержки и риск и т.д.

³ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии №1, 1992. См. также www.politizdat.ru/fragment/43/

монетаристов»¹. Таковая не существует, в противном случае в её ряды пришлось бы записать людей со столь разными убеждениями, как К. Маркс и М. Фридмен, китайские коммунисты и американские неолибералы. Но некоторые российские экономические публицисты полагают, что монетаристы – это «тоталитарная секта»². Подобная постановка вопроса предполагает, что оценка одного и того же мероприятия экономической политики может производиться не на основе вышеуказанного «инженерного» критерия увеличения богатства, но и на основе различий в нравственных установках.

Скажем, определённое изменение институтов, которое должно привести к росту богатства общества в целом, но одновременно наносит ущерб благосостоянию отдельной социальной группы, может рассматриваться как неприемлемое. Оно не отвечает критерию Парето, в соответствии с которым улучшение положения одних социальных групп не должно приводить к ухудшению положения других, и поэтому должно быть отвергнуто. Экономисты, использующие данный критерий, воспринимаются как апологеты интересов тех или иных социальных акторов; получается, что они охраняют сложившееся «статус-кво». Однако большинство крупных технологических и, конечно, институциональных инноваций меняет распределение власти в обществе, а заодно и подрывает положение отдельных групп (не говоря уже о том, что эти группы, как социальные общности, могут быть ликвидированы). Для того, чтобы выступать в качестве «противника прогресса», требуется соответствующая моральная санкция. Исследователь должен будет доказать, что предлагаемые мероприятия, хотя и ведут к увеличению богатства, разрушают социальный мир, несправедливы, имеют своим следствием рост преступности и обогащение одних за счёт других, и т.д.

Кажется, что несправедливость может быть устранена, если выигравшие социальные группы компенсируют величину ущерба пострадавшей социальной группе. Поскольку новаторами утверждается, что в результате мероприятия достигается общий рост богатства, постольку «выигрыш» одних должен быть намного больше, чем «проигрыш» других (критерий Калдора – Хикса). Казалось бы, на этом «совесть экономиста» может успокоиться, однако Д. Хаусман и М. Макферсон, используя ил-

¹ «Кто же такой «монетарист»? Это человек, верующий в количественную теорию денег... количественная теория денег состоит из ряда взаимосвязанных положений, которые определяли широкую степень согласия экономистов классиков и неоклассиков на всём протяжении XIX столетия». См. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. – М.: Дело ЛТД, 1994. – С. 640.

² Хазин М. Современная монетаристская школа является тоталитарной сектой. Источник: <http://www.ippnou.ru/article.php?idarticle=009518>

люстрацию, предложенную П. Самуэльсоном, показывают, что это не так¹. В условиях гетерогенного общества, в котором группы имеют различные предпочтения, выплачиваемые компенсации могут не приводить к росту благосостояния, да и факт увеличения последнего оказывается не так-то просто зафиксировать. Очевидно, «компенсации», выплачиваемые розничными торговцами рэкетирам, дают перераспределительный эффект, не влияя на величину благосостояния (если не считать, что содержание растущего поголовья вымогателей является чистым общественным ущербом). Однако вопрос о включении в состав национального богатства профессиональных футбольных и хоккейных клубов уже не является таким однозначным. С одной стороны, такие организации имеют имущество, доходы, владельцев и поэтому, бесспорно, являются капиталом. С другой стороны, если клуб приносит владельцам постоянные убытки, которые приходится покрывать не только за счёт доходов частных владельцев (это реализация их предпочтений, каждый может тратить свои деньги так, как ему больше нравится), но и за счёт государственного бюджета, то многие налогоплательщики могут не одобрить таких затрат. Клуб в этом случае может уже рассматриваться как своеобразное общественное анти-благо (благо с отрицательной полезностью), отражающее стремление элиты страны (или региона) к демонстративному расточительству по Веблену.

Подытоживая, можно сформулировать проблему так:

- является ли понятие «совести» по отношению к экономике внешним? Если да, то тестирование «на нравственность» не входит в задачи экономистов. Напротив, если этот фактор является внутренним, эндогенным, то требуется его репрезентация наряду с другими факторами, влияющими на поведение экономической системы;
- надо ли отвергать полученное решение, если оно является *выгодным, законным, но противоречащим совести* экономиста?

Первый вопрос отчасти уже рассматривался в упоминавшейся работе Д. Хаусмана и М. Макферсона, поэтому необходимо вернуться к их аргументации.

«Грязные» технологии и нравственные установки. Рыночная власть. Хаусман и Макферсон полемизируют с Л. Саммерсом, который, будучи главным экономистом Всемирного банка, в декабре 1991 г. разослал коллегам меморандум, содержащий следующие положения:

¹ Хаусман Д., Макферсон М. Философские основания магистрального направления нормативной экономики. В кн. Философия экономики. – М.: Изд. Института Гайдара, 2012. – С. 295.

«Между нами говоря, почему бы Всемирному банку и не поощрять расширение миграции «грязных отраслей» в развивающиеся страны? Я нахожу три довода в пользу этого:

- (1) Измерение издержек вредного для здоровья загрязнения зависит от упущенных доходов, связанных с повышением заболеваемости и смертности. С этой точки зрения определенный объем вредного для здоровья загрязнения следует размещать в стране с наиболее низкими издержками, то есть в стране с наиболее низким уровнем заработной платы...
- (2) Я всегда считал, что малонаселённые страны Африки крайне *мало* загрязнены; качество воздуха в них... является неэффективно [высоким] по сравнению с Лос-Анжелесом или Мехико. Только тот печальный факт, что огромные объёмы загрязнения порождаются «неторгуемыми» отраслями (транспорт, генерирование электроэнергии) и что стоимость транспортировки твёрдых отходов столь высока, препятствует торговле загрязнениями воздуха и отходами, которая могла бы повысить благосостояние во всём мире.
- (3) Спрос на чистую окружающую среду, мотивируемый соображениями эстетики и охраны здоровья, вероятно, характеризуется очень высокой эластичностью по доходу...»¹

Хаусман и Макферсон разбирают неявные послышки, на которых основан меморандум Саммерса, и среди прочего отмечают: «В меморандуме оцениваются экономические ситуации исключительно с точки зрения индивидуального благосостояния. Вследствие преобладания этой особенности магистральное направление нормативной экономики обычно называют экономикой благосостояния»². Сами же они, рассматривая «этическую основу нормативной экономики», в качестве возможной альтернативы благосостоянию предлагают (а) свободу, (б) права, (в) справедливость. Но все эти три критерия ничего не могут сказать о том, давать ли разрешение на размещение у себя «грязных» производств или нет. Можно попытаться сравнить права на чистую окружающую среду и на смерть от голода с правами на определённый уровень удовлетворения материальных потребностей, совмещаемый с загрязнениями. Однако вряд ли у бедной страны существует большая свобода выбора.

Кроме того, Хаусман и Макферсон полагают, что «Саммерс подразумевает наличие единой системы экономической оценки, которую он

¹ Цит. по: Хаусман Д., Макферсон М. Философские основания магистрального направления нормативной экономики. – С. 270-271.

² Там же, с. 272.

принимает как данность. Он полагается на несформулированные этические основания, которые, по его мнению, разделяют его читатели»¹. Это так. Как уже говорилось раньше, для экономистов является нормальным предполагать, что всё, что ведёт к росту благосостояния – хорошо, всё, что снижает благосостояние – плохо. В качестве альтернативы Хаусманом и Макферсоном предлагается наличие нескольких этических точек зрения, которые меняются в зависимости от проблемы. Однако если эти точки зрения не подчиняются единым критериям, то такая система нормативных оценок становится внутренне противоречивой. Единственный выход из таких противоречий – вынести этические суждения за пределы экономических дискуссий, решив, что этические понятия исполняют «независимую роль: важны, но не имеют отношения к экономической науке»². Именно такой подход и отвергается оппонентами Саммерса.

Действительно, благосостояние и рост признаются экономистами более важными, нежели охрана окружающей среды. Внимание к последней усиливается по мере увеличения дохода. Так, Ю. Яременко говорил следующее в своём интервью С. Белановскому: «В послевоенные годы развитые страны в возрастающей мере концентрировали у себя технологии высших уровней, интеллектуальные ресурсы, НИОКРовские заделы. Производство и эксплуатация тяжелого оборудования всё больше перемещаются в страны среднего уровня развития, а производство сырья и экологически грязные технологии переходят в слаборазвитые страны. Об этом процессе нельзя судить только по технологическому уровню производства, так как очень часто технология может быть сравнительно высокой, но компенсационный эффект осуществляется не в виде больших трудозатрат, а в виде экологического ущерба и, соответственно, ухудшения здоровья населения. Например, в какой-то период фабрики по обработке кож сконцентрировались в Индии и стали отравлять там реки. Ясно, что у Индии не было возможности приобрести добротные технологии, поэтому страна расплачивается за экономический рост своей природной средой и здоровьем нации. Именно в этом и состоит компенсационный эффект, который не хотят на себе испытывать развитые страны»³.

Перенос «грязных» производств в бедные страны отнюдь не является единственным примером «аморальности» магистрального направления нормативной экономики. Обычной рекомендацией экономистов для бедных стран является сдерживание роста населения, в противоположность

¹ Там же, с. 272.

² Там же, с. 273.

³ Яременко Ю.В. Экономические беседы. Запись С.А. Белановского. – М.: Центр исследований и статистики науки, 1999. – С. 114.

желательным мерам по увеличению рождаемости в богатых странах. Такое «двуличие» экономического мейнстрима как раз и можно рассматривать как существование «нескольких этических точек зрения», различающихся в зависимости от проблемы. Но поскольку и в том, и в другом случае экономисты пытаются решить задачу роста благосостояния, постольку разный подход к ценности жизни человека в бедной и в богатой стране не вызывает у них «расхождений между эмоциями и разумом», известные как угрызения совести. В большинстве работ, посвящённых экономическому росту, не приводятся моральные основания, они считаются самоочевидными.

Если распространить логику благосостояния в политическую сферу, то становится понятно, что обладающие большим богатством домохозяйства, фирмы, страны одновременно приобретают и *власть*. Под последней обычно понимаются отношения господства – подчинения. Как можно интерпретировать *господство* в условиях юридического равенства, которое предполагается в *равном, рыночном* обмене? Господство вообще – способ заставить социальных индивидов делать то, что требуется обладающему властью субъекту. В случае рыночной власти господство осуществляется за счёт оплаты услуг относительно бедных акторов более богатыми. В результате таковых услуг благосостояние бедных увеличивается. Однако часто побочными следствиями такого роста благосостояния являются ущерб для здоровья, загрязнение окружающей среды, регулирование семьи, перевод человеческого тела в разряд товаров (в случае суррогатного материнства или продажи органов) и т.д. Экономисты «магистрального направления» не видят в этом для себя моральных проблем – конечно, если сделки совершаются «по добровольному согласию и в рамках действующего законодательства».

Не будет большой натяжкой сказать, что предпочтения богатых акторов, обладающих рыночной властью, для экономистов мейнстрима являются более значимыми, чем бедных. Представляется вполне естественным, что богатые страны диктуют правила поведения бедным. Правительства богатых стран могут требовать от правительств бедных стран проведения таких экономических мероприятий, которые считают неприемлемыми для своего населения и своих фирм. И это не только политика ограничения рождаемости, но и, например, требования бездефицитного бюджета, ликвидации дотаций и тарифной защиты для тех или иных отраслей, отказа от развития ядерной энергетики и т.д.

Наверное, многие требования, которые богатые акторы предъявляют бедным, могут расцениваться как аморальные, безнравственные. Но понастоящему плохим и подлежащим осуждению для мейнстрима является только то, что мешает росту благосостояния. Всё остальное выходит за

рамки задач экономической науки. Понятие «совести» в таком случае выглядит действительно внешним по отношению к мероприятиям политики.

Ход рассуждений, выводящий «совесть» за пределы экономического анализа, предполагает, что обладающие рыночной властью, сильные акторы перекладывают на более слабых часть социальных и экологических издержек, оплачивая их частично (полная компенсация, которая предполагала бы равенство сильных и слабых, сделала бы такое перекладывание ущерба невыгодным). И всё же часть макроэкономических и институциональных проблем предполагает сопоставление затрат и выгод, определение состава которых непосредственно зависит от нравственных установок экономистов. В случае анализа социальных реформ, таких, как реформы образования и здравоохранения, налоговой или пенсионной, переложить собственные издержки на другие государства не получается, они являются внутренними. Однако эта проблема лежит совсем в иной плоскости, нежели представляется Хаусману и Макферсону.

Социальные и рыночные нормы поведения. В поведенческой экономике разграничивают миры, где доминируют социальные и рыночные нормы. Как показывает Д. Ариели, при доминировании социальных норм решение некоторых задач может оказаться даже более эффективным с точки зрения сопоставления затрат и результатов, чем при доминировании рыночных¹. Применение социальных норм основывается на альтруизме и ожиданиях взаимной помощи.

Производство и использование таких общественных благ, как образование, исторически велось на основе использования социальных норм. Но убеждённость экономистов в том, что рынок – самый эффективный механизм распределения ресурсов, приводит к введению в эти сферы рыночных норм. По мнению Ариели, это плохо: «В настоящее время мне представляется, что стандартизированная структура тестирования и заработной платы, связанной с результатами работы, толкает образование от социальных норм к рыночным. Соединенные Штаты уже тратят на каждого студента больше денег, чем любая другая страна Запада. Будет ли мудрым решением впрыснуть в систему ещё больше денег? То же самое справедливо и в отношении тестирования: оно и так проводится очень часто, и дальнейшее увеличение частоты вряд ли сможет улучшить качество образования.

Я подозреваю, что решение этой проблемы кроется в области социальных норм. Как мы поняли из наших экспериментов, деньги могут решить проблему в краткосрочной перспективе – но именно социальные

¹ Ариели Д. Поведенческая экономика. Почему люди ведут себя иррационально и как заработать на этом. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – С. 87-100.

нормы являются той силой, которая может привести к изменению ситуации в отдаленном будущем.

Вместо того, чтобы концентрировать внимание учителей, родителей и детей на оценках за тесты, зарплаты и конкуренции, было бы лучше наполнить их ощущением цели, миссии и гордости, связанной с образованием»¹.

Проблема, которую описывает Ариели, в рамках настоящей работы может быть проинтерпретирована следующим образом. Применение рыночных норм в сферах, где до этого доминировали социальные нормы, может привести к снижению благосостояния. Снижение может оказаться незамеченным в силу нравственных установок экономистов, а это подрывает претензии на истинность выдвигаемых исследователями утверждений. Если не рассматривать «совесть» в качестве фактора, который влияет на поведение хозяйственных акторов не менее существенно, чем «корысть», то увеличение транзакционных издержек, в сущности, пройдет незамеченным. Исключением будут разве что отдельные «пограничные» работы социальных философов и институционалистов, посвященные доверию².

Действительно, если богатый индивид платит больше за услуги врача, будь то в частной клинике, будь то в государственной, бюджетной, трудно представить, что при лечении к нему будут применены какие-то принципиально иные методы и будет получен принципиально иной результат, нежели к больному с меньшим уровнем дохода. Точно так же нет смысла говорить о дифференциации объема и качества «образовательных услуг» для бедных и богатых учеников или студентов, оказавшихся в одном классе и посещающих одни и те же занятия. Если бы врач и учитель начали вести себя в соответствии с рыночными нормами, доверие людей к ним было бы потеряно, и доказать, что произведенные образовательные и лечебные услуги были действительно высшего качества, было бы невозможно.

Естественно, что и среди представителей этих профессий встречаются люди, меняющие своё профессиональное поведение в зависимости от ожидаемой оплаты своих услуг, но пока это всё же меньшинство – российские реформы образования и здравоохранения никак не могут достичь желаемого результата и подчинить эти сферы рыночным нормам. Напротив, судя по многочисленным сообщениям о коррупции в государствен-

¹ Там же, с. 103-104.

² См., например, Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. – М.: АСТ, 2004.

ном управлении и органах охраны правопорядка, там рыночные нормы внедряются в сознание индивидов гораздо более эффективно.

Социальные, а не рыночные нормы поведения доминируют и в проведении научных исследований. *Поиск истины, с точки зрения расчёта издержек и выгод, является весьма иррациональным занятием.* Если эксперт признается, что его оценки сделаны не на основе соответствия истине, а под влиянием размеров ожидаемого вознаграждения, это будет равносильно уничтожению его репутации, своеобразному социальному самоубийству его как учёного.

Тем не менее социальные нормы увеличивают благосостояние в *долгосрочном*, а не в *краткосрочном* периоде. Напротив, ориентация на рыночные нормы ведёт к увеличению дохода участников сделок в ближайшей перспективе. Утрата доверия, рост напряжённости и конфликтов, а также борьба за «чистоту профессии» возникают потом. Это ещё одна причина, почему понятие «совести» не применяется экономистами: увидеть изменение нравственности можно только в долгосрочном периоде, а изменение доходов и богатства акторов фиксируется сразу.

Существует три властных императива, которые определяют поведение социальных акторов. Выше мы уже говорили о рыночной власти: «делай, как я сказал, я тебе заплачу». В политической сфере власть основана на административном принуждении и статусе: «делай, как я сказал, поскольку я твой начальник». Отказ от исполнения приказа приводит к санкциям. В мире социальных норм действует господство «образца», примера, которому хочется следовать без принуждения и материальной компенсации: «делай, как я, делай лучше меня». Если же за следование образцу полагается компенсация, как при рыночных нормах поведения, то возникает сомнение, насколько искренним был поступок индивида. Кроме того, теперь он может просто отказаться от ожидаемых действий, если сочтёт компенсацию недостаточной – и окружающие уже не смогут обвинить его в «бессовестности». И при обсуждении мероприятий, которые изменяют организацию и финансирование сфер, где доминируют социальные нормы, оппоненты вправе ожидать друг от друга предъявления нравственных оснований высказываемых суждений. И обычное нейтральное заключение: «индивид с более высоким уровнем дохода вправе покупать более качественные, более дорогие продукты по сравнению с индивидом с низким уровнем дохода» становится спорным при его трансформации в мире социальных норм. Например, утверждение «индивид с более высоким уровнем дохода вправе ожидать, что решения суда будут всегда выноситься в его пользу, нежели в пользу индивида с низким уровнем дохода», будет вызывать протест. Однако если последовательно переносить категории благосостояния во все сферы жизни обще-

ства, разве не будет логичным предположить, что предпочтения более богатого субъекта должны иметь повсеместный приоритет по сравнению с более бедными субъектами?

Очевидно, что такой перенос некорректен. Если субъект, обладающий богатством и рыночной властью, приобретает политическую власть, возникает возможность использования административного принуждения для извлечения дополнительного дохода. Он получает *статусную ренту*. Последняя является результатом специфических преимуществ, которые не могут быть устранены в результате конкуренции. Если подобный статус закрепить юридически, то возникает ситуация «закрытой монополии», что означает конец привычного экономистам режима «свободного рынка». В рамках марксистской терминологии подобное юридическое закрепление административного статуса богатых субъектов означает «возврат к феодализму», к сословному обществу.

Экономическая наука во многом формируется как результат буржуазных революций, утверждающих равенство граждан перед законом. Отказ от этого равенства, закрепляющий социальные статусы субъектов в нормах права, по-видимому, противоречит нравственным установкам большинства экономистов.

Однако приобретение хозяйственными субъектами политической власти означает разрушение прежних социальных норм не только на уровне индивидов и фирм, но и государств. Если вернуться к анализу «меморандума Саммерса», то нравственная проблема не в переносе «грязных» производств в бедные страны, но в позиции Всемирного банка. В этой международной финансовой организации доминируют, естественно, богатые страны. И если бы в меморандуме отстаивалась позиция *приоритетного финансирования переноса именно «грязных» производств*, что автоматически означало бы уменьшение кредитования других, относительно «чистых» инвестиционных проектов, это действительно свидетельствовало бы о специфических нравственных установках экономиста Л. Саммерса. Тогда, действительно, имело бы место слияние рыночной и политической власти и – если угодно – формирование чего-то, напоминающего «глобальный феодализм». Но в меморандуме этого не предлагается, и Саммерс ничего о подобных приоритетах не говорит. Конечно, если позволить финансировать Всемирному банку подобные проекты, это может привести к негласной смене приоритетов, такое можно *подозревать*. Естественно, в длительной перспективе это означает утрату доверия к авторитетной международной организации. Бедные страны начнут рассматривать Всемирный банк как ещё одно «орудие господства» богатых стран в геополитике, а заявления о том, что Банк оказывает помощь в социально-экономическом развитии, станут восприниматься как лице-

мерные. Этого уже достаточно, чтобы отвергнуть меморандум Саммерса как противоречащий совести и уменьшающий благосостояние всего мира в длительной перспективе.

Но Хаусман и Макферсон, анализируя и критикуя нравственные основания «экономики благосостояния», обходят эту проблему. Их пример даёт ответ на вопрос, вынесенный в заголовок настоящей работы: «совесть» экономистам нужна, но они, к сожалению, не пользуются этим понятием.

* * *

После краха СССР в 1991 году советская модель экономики догоняющего развития была признана неэффективной. Поскольку СССР не удалось «догнать и перегнать» страны запада в росте благосостояния, постольку результаты «социалистического эксперимента» можно предать забвению или рассматривать его в качестве хрестоматийного примера ошибок противников либерализма.

Тем не менее в российском общественном сознании фигура И. Сталина остаётся противоречивой, и дискуссии вокруг коллективизации и индустриализации продолжаются до сих пор. Неоднозначность оценок связана с тем, что «выгоды»: создание промышленной базы, культурная революция, результатом которой явились и всеобщая грамотность, и создание советского здравоохранения по модели Н. Семашко, превышают «издержки», к которым относятся погибшие от голода во время коллективизации, жертвы политических репрессий и т.д. При этом, как ни странно, подходя к оценкам сталинских реформ с критерием Калдора – Хикса, можно получить положительные оценки. Прирост благосостояния позволял компенсировать потери, за исключением человеческих жизней, разумеется. Естественно, что подобный анализ «издержек и выгод» предполагает «вынос» нравственных оценок за пределы предмета экономической теории.

С другой стороны, введение «совести» в анализ издержек часто осуществляется не совсем корректным образом. Так, например, один из основных аргументов противников сталинизма – голод и уничтожение крестьянства – оказывается не столь очевидным, каким кажется на первый взгляд. Не вдаваясь в подробности, отметим, что конфискация «излишков» хлеба и передача земли, скота и техники в коллективную собственность в результате организации колхозов сами по себе не являлись непосредственными причинами голода. Колхозы не были ни «лагерями смерти», ни даже «трудовыми колониями», в которых использовался труд заключённых. Голод возник из-за резкого сокращения поголовья скота и

птицы, а также сокращения посевных площадей – согнанные в колхоз крестьяне *потеряли стимулы* для производительного труда. Но то же самое происходило, как показывает Т. Бетелл, в первых поселениях английских колонистов в Америке – в Джеймстауне и Плимуте: «При самом скромном прилежании колонисты могли бы жить вполне удовлетворительно... наступила катастрофа: «времена голода». За шесть месяцев население сократилось с примерно 500 человек до 60.

Один очевидец написал о голодных временах: «Голод был настолько велик, что дикаря, которого мы убили и схоронили, самые отчаявшиеся из нас опять вырыли и съели; умиравшие друг друга варили и тушили с травами и кореньями». Он продолжает: «Ужасно об этом рассказывать и вряд ли можно поверить в то, что мы пережили, но причиной были мы сами, отсутствие предусмотрительности, прилежания и управления, а не скудость и непригодность страны, как обычно считается»...

Колонисты бездельничали, потому что большинство из них подписало договор, который обязывал их трудиться семь лет, внося плоды своего труда в *общий котёл*, до получения статуса полноценного колониста. Они не платили за свой переезд, и предполагалось, что они своим трудом возместят компании эти расходы»¹.

Очевидно, что Виргинская компания не собиралась устраивать «голодомор» (тем более, что она несла прямые убытки от смерти колонистов). Но и ВКП(б), создававшая колхозы, которые по своему организационному устройству мало чем отличались от уже работавших тогда государственных заводов, шахт, фабрик, пыталась добиться экономического роста, а не уничтожения советского народа. Если применить к оценке мер по коллективизации в СССР известное выражение Талейрана, получится, что «это хуже, чем преступление, это – ошибка».

Конечно, признание того, что какая-либо экономическая реформа являлась ошибочной, не снимает ответственности с её авторов и организаторов. Но главной претензией к сталинской модели социализма всё же являются не такие «ошибки», но слияние политической и экономической власти основных социальных акторов. Невозможно не согласиться с тем, что отсутствие частной собственности означает одновременно и отсутствие свободы слова, свободы передвижения, других гражданских свобод. Именно такая концентрация власти и собственности делает возможным осуществление реформ, подобных коллективизации. Является ли работоспособной и эффективной альтернативная модель демократического социализма, описанная Й. Шумпетером? Ответ пока неизвестен – проблема перестала быть актуальной.

¹ Бетелл Т. Собственность и процветание. М.: ИРИСЭН, 2008. – С.53-54.

В свою очередь, результаты российских реформ 90-х годов также остаются дискуссионными. Является ли быстрый рост благосостояния России в 1999–2008 гг. прямым следствием реформ 1991–1998 гг.? Или это два относительно самостоятельных периода, и была ли логика второго временного отрезка во многом отлична от первого? Были ли последние годы периодом решения острых проблем, доставшихся от предыдущих лет, или же периодом явного либо подспудного обострения этих проблем? Эти вопросы выходят за рамки данной работы. Однако бесспорно одно: в 90-е годы в России сформировалась и в 2000-е годы укрепились ассоциальная экономическая система – и неэффективная, и безнравственная. Ее социальной основой является господство над обществом группы социальных акторов, обладающих высокой концентрацией в одних руках как политической, так и экономической власти. Олигархический капитализм и неэффективен, и безнравственен. Это ярко продемонстрировала, в частности, траектория социально-экономического и политического развития Украины 1992–2014 годов. Вопрос о путях выхода из этой ситуации постсоциалистических стран, включая Россию, остаётся открытым.
